

P. 1

*Fran.^{co} Goya y Lucientes,
Pintor.*

Лион Фейхтвангер

ГОЙЯ,
ИЛИ
ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ
ПОЗНАНИЯ

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
Ф 36

Lion Feuchtwanger
GOYA ODER DER ARGE WEG DER ERKENNTNIS
Copyright © Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 1961 and 2009
All rights reserved

Перевод с немецкого Романа Эйвадиса
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова
Подбор иллюстраций Александра Сабурова

ISBN 978-5-389-25383-4

© Р. С. Эйвадис, перевод, 2025
© С. Ю. Васильева, примечания, 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К концу восемнадцатого столетия почти во всей Западной Европе со Средневековьем было покончено. На Пиренейском же полуострове, с трех сторон отделенном от остального мира морями, а с четвертой горами, оно благополучно продолжалось.

Чтобы вытеснить с полуострова арабов, королям и князьям церкви еще много веков назад пришлось заключить нерасторжимый союз. Победа была возможна лишь при условии, что монархия и духовенство сумеют сплавить народы Испании в единое целое, добившись от них строжайшего послушания. Им это удалось. Они объединили своих подданных, насаждая неистовую, исступленную веру в монаршую и духовную власть. И эти суровые нравы, это единство сохранились.

К концу восемнадцатого столетия испанский уклад жизни трагикомическим образом застыл в своей косности. Эту мрачно-гротескную суровость и бескомпромиссность еще за двести лет до того отразил в своем творчестве величайший писатель Испании. Рассказанная им история о рыцаре, который упорно хранил верность старым, давно утратившим смысл рыцарским обычаям, стала притчей для всех времен и народов, а главный герой, обаятельнейший, трогательный и вместе с тем смешной чудаки, прославился на весь мир.

Испанцы смеялись над Дон Кихотом, но своей приверженности старым традициям не изменили. Пережитки средневекового рыцарства сохранялись на полуострове дольше,

чем где бы то ни было в Западной Европе. Воинская доблесть, геройство, граничащее с безрассудством, самоотверженный культ дамы сердца, коренившийся в почитании Девы Марии, — вот что было главными идеалами испанцев. Упражнение в рыцарском искусстве, давно потерявшем всякий смысл, по-прежнему составляло важную часть жизни мужчин. Воинский дух неизменно сочетался с легким презрением к ученой и благоразумию. А еще с пресловутой испанской гордыней, всеобщей гордостью за свой народ и гордостью каждого за свое сословие. Даже христианство утратило в Испании свой радостный кроткий облик и приняло мрачные, злоедающие, властные черты. Церковь стала надменной, воинственной, жестокой.

На рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков Испания была самой архаичной страной Европы. В ее архитектуре, в одежде и повадках людей, даже в их лицах чужеземцы отмечали некую странную статичность, словно печать глубокой старины.

А на севере, отделенная от Испании лишь цепью гор, раскинулась Франция, самая светлая и рациональная страна мира. И ее рациональность и живость проникали на Пиренейский полуостров через эти горы, несмотря на все запреты и заслоны. Постепенно, год за годом, защитная оболочка, ограждавшая испанцев от внешних влияний, разрушалась, и они тоже начали меняться.

В то время Испанией правили чужие короли, властители французского происхождения, Бурбоны. Испанцы сумели заставить их считаться с местными нравами и обычаями, испанизировали их, как в свое время Габсбургов. Однако испанская знать скоро и нередко охотно переняла у французских королей и их приближенных чужие традиции.

Народ же упорно держался старины. Он страстно, с пламенным усердием принял на себя сохранение прежних прав и обязанностей, от которых отказалась аристократия. Самым благородным видом спорта считалась коррида, бывшая

некогда привилегией знати (тореадорами и зрителями могли тогда быть только дворяне). Теперь же, когда гранды охладели к этой дикой забаве, их место на арене и на зрительских трибунах с готовностью заняли простолюдины. И если манеры грандов стали свободнее, то народ, напротив, еще больше ужесточил правила благопристойности. Башмачники требовали, чтобы их приветствовали как мелкопоместных дворян — идальго, а портные не скупились друг для друга на громкие титулы. Дон Кихот вышел в отставку, превратился в элегантного версальского шевалье; его щит и старого боевого коня, как эстафету, принял народ. Санчо Панса стал Дон Кихотом, отважным и смешным.

По ту сторону Пиренейских гор французы обезглавили своего короля и прогнали своих господ. Испанцы же боготворили своих монархов, несмотря на их французское происхождение и далеко не королевскую статью. Король остался для испанцев королем, гранды — грандами, и, в то время как аристократия все более тяготела ко всему французскому и уже смирилась с необходимостью союзничества теперь уже с республиканской Францией, народ с воодушевлением продолжал сражаться с безбожниками-французами, безропотно идя на смерть за короля, грандов и духовенство.

Многих истинных испанцев
Мучило противоречье
Между стариной и новью.
Шла борьба в них непрестанно
Между разумом и чувством,
Бой болезненный и страстный
В них кипел — то плодотворный,
То жестокий и бесплодный.

Донья Каэтана, тринадцатая герцогиня Альба¹, устроила в своем мадридском дворце театральный вечер для друзей. Труппа актеров-роялистов из Парижа, бежавших в Испанию от ужасов революции, давала пьесу сочинителя Бертелена «Мученичество Марии-Антуанетты»², драму, в которой жivotрепещущая тема была трактована в классическом стиле.

Немногочисленные зрители — преимущественно представители высшей знати — казались потерянными в огромном зале, скудное освещение которого призвано было отвлечь от происходящего на сцене. Благородное монотонное звучание шестистопных ямбов, возвышенная французская речь, не всегда понятная испанскому уху, оказывали убаюкивающее действие на зрителей, покоившихся в удобных креслах и разомлевших в тепле пылающих каминов, нагоняя на них приятную меланхолическую дрему.

На сцене королева-мученица произносила назидательные речи, обращенные к детям — четырнадцатилетней Мадам Руаяль и девятилетнему королю Людовику XVII³. Затем,

¹ *Мария дель Пилар Тереса Каэтана де Сильва и Альварес де Толедо*, 13-я герцогиня Альба (1762–1802) — последняя представительница древнего кастильского рода Альба по мужской линии. Одним из ее предков был знаменитый маршал Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба (1507–1582), полководец Карла V и Филиппа II, командовавший испанскими войсками в ряде кампаний.

² Королева Франции *Мария-Антуанетта* (1755–1793) была гильотинирована по приговору Революционного трибунала через девять месяцев после казни ее супруга Людовика XVI.

³ *Мадам Руаяль* — дочь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, герцогиня Ангулемская (1778–1851). Король *Людовик XVII* (1785–1795) — сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты.

повернувшись к своей золовке, принцессе Елизавете, поклялась перенести все выпавшие ей на долю испытания с мужеством, достойным ее убитого супруга, Людовика XVI.

Герцогиня Альба еще не появлялась. Но ее муж, маркиз де Вильябранка, добавивший, согласно обычаю, к своим многочисленным титулам также титул супруги, уже сидел в первом ряду. Молчаливый, элегантный господин, хрупкого телосложения, но с полным лицом, устремил задумчивый взгляд своих красивых темных глаз на тощую актрису, которая декламировала сентиментальные, патетические вирши, изображая убиенную Марию-Антуанетту. Любое искусство, не отвечающее самым высоким требованиям, всегда было для герцога Альбы подлинной мукой, и потому он с самого начала отнесся к затее супруги весьма скептически. Однако герцогиня заявила, что вследствие траура, объявленного в стране по случаю ужасной кончины Марии-Антуанетты, жизнь в Мадриде совершенно замерла и нужно хоть как-нибудь развлечься; что такое театральное представление внесет некоторое оживление, а заодно станет выражением скорби по поводу гибели французской монархии. Герцог, понимая, что его супруга, известная при всех европейских дворах своими причудами, томится скукой в их огромном мадридском дворце, не стал возражать и теперь терпеливо переносил это испытание, не ожидая от спектакля ничего хорошего.

Его мать, вдова десятого маркиза де Вильябранка, сидела рядом с ним и снисходительно слушала. Как криклива и слезлива эта венценосная «мученица»! Нет, Мария-Антуанетта не была такой. Маркиза де Вильябранка видела ее в свое время в Версале и разговаривала с ней. Это была очаровательная дама, Мария-Антуанетта Габсбургская и Бурбонская, веселая и обаятельная, быть может, несколько эксцентричная и шумливая. Но она ведь, в конце концов, из дома Габсбургов, так что тонкому, изысканному благородству женщин рода Вильябранка взяться у нее было просто неоткуда. Кстати, в отношениях Марии-Антуанетты с ее молчаливым,

мягким, тактичным Людовиком было, пожалуй, что-то общее с отношениями Каэтаны де Альба с ее сыном, доном Хосе. Она украдкой посмотрела на сына. Слабый, изнеженный, он был ее любимцем, и все, чем она жила и дышала, было связано с ним. Он любит свою жену, и это неудивительно — как можно не любить такую красавицу! Но жизнь его, без сомнения, проходит как бы в тени жены: для света он — всего лишь муж герцогини Альбы. Увы, ее сына Хосе знают лишь немногие. И они видят и ценят его тихое благородство. Но его внутреннюю музыку, удивительную гармонию его души не слышит почти никто, даже его жена.

На сцене тем временем появился свирепый мужлан — председатель Революционного трибунала. Прежде чем объявить королеве приговор, он еще раз огласил невероятно глупый и не менее отвратительный перечень ее гнусных «злодеяний».

Утонув в огромном кресле, следил за игрой актеров и месье де Авре, тощий, тщедушный господин в пышном мундире посланника, поверенный в делах французского регента, правившего страной из Вероны вместо малолетнего короля, которого республиканцы держали в неволе. Нелегко править страной, в которой тебе не принадлежит ни пяди земли; еще сложнее быть посланником такого правителя. Месье де Авре, старому дипломату, не одно десятилетие представлявшему в Мадриде пышный блеск Версаля, трудно было смириться с новым, жалким жребием. Послания, передаваемые им мадридскому двору по поручению регента и отличавшиеся порой весьма кичливой манерой, довольно странно звучали в устах дипломата, который являлся на приемы в поношенном мундире и без вспомоществований испанского двора жил бы впроголодь. И вот, прикрыв треуголкой наиболее потертые места мундира, месье де Авре смотрел спектакль. Рядом с ним сидела его шестнадцатилетняя дочь, тоненькая, бледная, красивая девушка. Ей тоже не помешали бы новые платья — в интересах Франции и в ее собственных интересах. Ах, до

чего они дожили! Приходится радоваться уже тому, что герцогиня Альба оказала им честь, пригласив на свой вечер.

На сцене венценосная мученица, выслушав приговор, сообщила председателю трибунала, что желает как можно скорее соединиться со своим супругом. Однако просто казни ее мучителям было мало: эти мерзавцы-безбожники приготовили для нее еще и горькую чашу позора. Мария-Антуанетта, объявил — по-прежнему в стихотворной форме — судья-злодей, много лет унижала Францию в глазах всего мира своей необузданной похотью, поэтому ей придется самой подвергнуться заслуженному унижению — ее поведут к месту казни обнаженной до пояса; такова воля народа.

Зрители уже были наслышаны об этой трагедии, но последняя деталь оказалась для них новостью. Она вселяла ужас и в то же время приятно щекотала нервы. Сонливость публики как рукой сняло; финал пьесы смотрели с удвоенным вниманием.

Наконец занавес упал, гости из вежливости похлопали, поднялись с мест, радуясь возможности размять затекшие члены, и стали прогуливаться по залу.

Слуги зажгли больше свечей. Теперь можно было разглядеть всех присутствовавших.

Особое внимание обращал на себя один господин, который, несмотря на прекрасно сшитое и дорогое платье, выделялся среди элегантных дам и кавалеров своей несколько неуклюжей повадкой. Он был невысок ростом, глубоко посаженные глаза его смотрели из-под тяжелых век, полная нижняя губа резко, словно вызывающе, выдавалась вперед, нос был прямой, мясистый и плоский, в очертаниях головы было что-то львиное. Он бродил по залу. Почти все его знали и почтительно отвечали на его приветствия.

— Рады видеть вас, дон Франсиско, — слышал он то и дело.

Дон Франсиско Гойя и сам радовался тому, что герцогиня Альба пригласила его на вечер и он оказался среди избранных гостей, радовался почтению, которое те ему оказывали.

Позади у него был долгий и нелегкий жизненный путь — из деревни Фуэндетодос¹ до дворца Альбы, — но он успешно преодолел его, и теперь, когда малыш Франчо, придворный живописец, *pintor de cámara*, писал портреты этих высоко-родных дам и кавалеров, еще неизвестно, кто кому оказывал честь — они ему или он им.

Гойя почтительно поклонился маркизе де Вильябранка.

— Как вы находите пьесу и исполнение, дон Франсиско? — спросила та.

— Мне трудно представить себе, что королева Мария-Антуанетта могла так говорить, — ответил он. — А если это правда, стоит ли так жалеть о ее смерти?

Маркиза улыбнулась:

— И все же жаль, что на спектакле не присутствовали их величества.

Она произнесла это с едва уловимой ноткой лукавства, глядя на него своими красивыми, беззастенчивыми глазами и чуть скривив большой рот с тонкими губами. Он тоже улыбнулся, прочитав ее мысли: испанским Бурбонам, вероятно, было бы не по себе, если бы им весь вечер пришлось слушать эту «зримую песнь» о незавидной участи их французских родственников.

— Когда же вы наконец напишете мой портрет, дон Франсиско? — продолжала маркиза. — Знаю-знаю, я уже старуха и у вас есть более увлекательные занятия.

Он принялся горячо и искренне разубеждать ее. В свои пятьдесят пять лет маркиза все еще была красавицей, осиянной ореолом богатой впечатлениями жизни в очень недалеком прошлом. Умудренное житейским опытом лицо с печатью легкого разочарования, темное, простое, хотя и дорогое, платье, тончайшая белая шаль, из-под которой выглядывает роза, — именно такой и представлял себе Гойя в юношеских

¹ Франсиско Гойя-и-Лусьентес (1746–1828) родился в деревне Фуэндетодос (Арагон), в семье крестьянина-арендатора.

мечтах знатную даму. Он уже радостно предвкушал работу над ее портретом.

Дворецкий пригласил гостей в большую гостиную, где их ожидала герцогиня. Гойя вел под руку маркизу. Они медленно шли по картинной галерее, соединявшей театральный зал с гостиной. Стены были увешаны изысканными полотнами старых испанских, фламандских, итальянских мастеров. Гости поневоле часто замедляли шаг, чтобы лучше рассмотреть ту или иную картину в неверном свете свечей; запечатленная в них старина манила и очаровывала.

— Ничего не могу с собой поделать, — призналась маркиза, — люблю Рафаэля. Из того, что здесь собрано, мне милее всего «Святое семейство».

Гойя, который, вопреки всеобщей любви к Рафаэлю, не был его поклонником, хотел произнести какую-нибудь ни к чему не обязывающую любезность. Однако они уже достигли поворота к гостиной и через створчатую дверь увидели Каэтану де Альба. Согласно старинному обычаю, она сидела на небольшом возвышении, устланном коврами и отделенном от зала невысокой решеткой с широким входным проемом. В отличие от остальных дам, на ней было не современное платье, а испанское, старинного покроя. Маркиза улыбнулась. Такова уж донья Каэтана: она перенимает у французов то, что достойно подражания, но всячески подчеркивает, что она — испанка. Это был *ее* вечер, приглашения рассылались от *ее* имени, а не от имени супругов Альба, никто не посмеет упрекнуть ее в том, что за первой, французской частью вечера последовала вторая, испанская. Но появиться у себя в доме, перед зваными гостями в испанском платье — почти как маха — это, пожалуй, слишком экстравагантный поступок.

— Вечно у нее какие-то новые причуды, у нашей доньи Каэтаны, — сказала маркиза Гойе. — *Elle est chatoyante*, — добавила она по-французски.

Гойя не ответил. Застыв в дверях, он молча, неотрывно смотрел на герцогиню Альбу. Черные кружева, покрывавшие

ее серебристо-серое платье, подчеркивали теплый, матовый блеск смуглой кожи; овальное ненарумяненное лицо в обрамлении густых черных кудрей будто светилося в полумраке. Голову венчал высокий черный гребень. Из-под широких складок платья выглядывали маленькие изящные ножки в остроносых туфельках. На коленях у герцогини сидела до нелепости крохотная белая пушистая собачка; хозяйка гладила ее левой рукой, затянутой в перчатку. Правая рука, обнаженная, узкая, по-детски пухлая, покоилась на подлокотнике; тонкие пальцы небрежно держали полузакрытый, опущенный вниз веер.

Так и не дождавшись ответа и решив, что Гойя просто не понял французских слов, маркиза перевела:

— Она блесит, как кошка.

Однако дон Франсиско продолжал пожирать герцогиню глазами. Он видел ее не в первый раз, он даже написал ее портрет, спокойно, безучастно, и из этого портрета ничего хорошего не вышло. Он даже использовал — забавы ради — образ этой знатной дамы, о которой так много и охотно говорили в Мадриде, в своих неприятных галантных эскизах к шпалерам для королевских дворцов. Но сейчас он ее не узнавал. Он словно впервые увидел ее и не мог поверить, что перед ним и в самом деле герцогиня Альба.

У него дрожали колени. Каждый ее волосок, каждая пора ее кожи, густые высокие брови, полуобнаженные груди под черными кружевами возбуждали в нем жгучую страсть.

Смысл слов маркизы не доходил до его сознания.

— Да, донья Каэтана — испанка до мозга костей, в ней столько свободы! — машинально ответил он наконец.

Он все еще стоял в дверях, устремив взгляд на герцогиню. Та подняла голову и посмотрела в его сторону. Увидела ли она его? Или взгляд ее равнодушно скользнул поверх его головы? Герцогиня продолжала что-то говорить, поглаживая собачку. Правая рука ее подняла веер, раскрыла его, так что стал виден рисунок — певец, исполняющий серенату перед балконом, — потом закрыла и снова открыла.

От радостного волнения у Франсиско перехватило дыхание. На языке веера, к которому махи, девушки из народа, прибегали в церкви, на городских гуляньях, в трактире, чтобы подать сигнал приглянувшемуся незнакомцу, это означало благосклонность и призыв.

Ничего не видя и не слыша вокруг, не помня даже, ответил ли он маркизе, Гойя неожиданно и неучтиво оставил свою спутницу и решительно направился через зал к подиуму.

Сквозь тихий гомон — приглушенные голоса, сдержанный смех, звон бокалов и позвякивание тарелок — с подиума отчетливо прозвучал резковатый, но приятный молодой голос, *ее* голос:

— Вы не находите, что эта Мария-Антуанетта немного глуповата? — Понимая, что ее слова многим могут показаться слишком дерзкими, герцогиня поспешила пояснить с легкой иронией в голосе: — Разумеется, я имею в виду Марию-Антуанетту из пьесы месье Бертелена.

Гойя поднялся на подиум.

— Сеньор Гойя, как вам понравилась пьеса? — спросила она его.

Художник не отвечал. Он стоял и невозмутимо смотрел на нее. Он был уже немолод — ему исполнилось сорок пять лет — и некрасив. Круглое лицо с приплюснутым мясистым носом, глубоко посаженными глазами и выпяченной нижней губой диссонировало с густыми, напудренными по моде волосами, узкое элегантноe платье плотно обтягивало его полноватую фигуру. Безупречный наряд придавал ему, с его львиной головой, сходство с крестьянином, которого обрядили придворным вельможей.

Он не помнил, ответил ли он ей, не слышал, что говорят другие. Его вернул к действительности ее поразительный голос; нежно-смуглое, высокомерное капризное лицо герцогини было обращено к нему.

— Вам нравятся мои кружева? Фельдмаршал Альба привез их в качестве трофея триста лет назад не то из Фландрии, не то из Португалии — я уже не помню.

Гойя не отвечал.

— Так что же вы нашли во мне нового? — продолжала она. — Ведь вы писали мой портрет и должны были бы хорошо меня изучить.

— Портрет не удался, — выпалил он наконец, и голос его, обычно благозвучный и послушный, был хриплым и словно чужим. — И ваше лицо на шпалерах — тоже недостойно вас. Я хотел бы попробовать еще раз, донья Каэтана.

Не отвечая ни да, ни нет, она смотрела на него с неподвижным лицом. Только темные, с металлическим блеском глаза ее, казалось, пронзали его насквозь. Прошло всего несколько мгновений, и в эти мгновения, продлившиеся целую вечность, они были одни в огромном людном зале.

Наконец она разрушила эту магию двуединства, небрежно сообщив, что в ближайшее время у нее, к сожалению, не будет возможности позировать ему: она занята строительством и обустройством загородного дворца в Монклоа.

Об этой ее затее много говорили в Мадриде. Герцогиня, словно желая перещеголять королеву Франции, решила построить себе свой Трианон, маленький дворец, в котором она могла бы время от времени проводить досуг с самыми близкими друзьями — не друзьями семьи, а своими наперсниками.

И она тут же снова заговорила прежним тоном:

— Но может, вы пока просто нарисуете мне что-нибудь, дон Франсиско? Скажем, для веера? Что-нибудь из «El Abate y la Maja»?

Она имела в виду «El Fraile y la Maja» — «Монах и маха», интермедию Рамона де ла Крус, фривольную комедию, запрещенную к публичному показу и увидевшую свет на тайном, домашнем театральном вечере.

Герцогиня Альба просит придворного живописца Франсиско де Гойя разрисовать ей веер, — казалось бы, ничего особенного в этом нет, дамы часто заказывали художникам новые мотивы для своих вееров; донья Исабель де Фарнесио была известна своей коллекцией, насчитывавшей более ты-

сячи экземпляров. На подиуме не происходило ничего необычного. И все же присутствующие чувствовали, что перед ними разыгрывается некая дерзкая, непристойная игра.

«Бедный дон Франсиско!» — подумала старая маркиза, и ей невольно вспомнилась картина Рубенса, только что увиденная в галерее, — Геракл, которого Омфала¹ принуждает прясть. Она, придававшая большое значение приличиям, ничуть не рассердилась на художника, который к тому же был единственным простолюдином в этом обществе грандов, за то, что тот так неучтиво бросил ее посреди зала. Столь же снисходительно отнеслась она и к довольно сомнительной, чтобы не сказать бесстыдной забаве своей невестки. Она понимала донью Каэтану, ей, с ее жизнелюбием, и самой было что вспомнить. Ее сыну, слабому и изнеженному, необходима бурная, полноводная река, чтобы не иссяк тоненький ручеек его собственной жизни, эта женщина должна быть рядом с ним, она для него — несомненное благо, и за это ей многое можно простить. Старинные знатные роды Испании приходят в упадок, мужчины становятся все слабее и утонченнее, и если где-то еще сохранилась сила, то она — в женщинах, в таких, например, как жена ее любимого сына, которая так дерзко и изящно флиртует с придворным живописцем, одним из немногих настоящих мужчин в стране.

Игра, затеянная его супругой, не укрылась и от задумчивого взора самого герцога Альбы. Дон Хосе Альварес де Толедо, тринадцатый герцог Бервик и Альба, одиннадцатый маркиз де Вильябранка, носитель еще многих других титулов (из ста девятнадцати грандов королевства лишь двое имели с ним равное достоинство), человек, которому доступны были все блага мира, хрупкий, тонкий, элегантный, молча взирал на проказы жены и не испытывал потребности вершить судьбы этого мира, пользоваться правом, которое

¹ *Омфала* — в древнегреческой мифологии царица Лидии; прежде всего известна по мифу, в котором она становится госпожой и любовницей Геракла, проданного ей в рабство Гермесом и выполнявшего для нее женские работы.

давали ему происхождение и благоприобретенное имя, великое и гордое, до сих пор вселяющее страх и трепет во Фландрии. Этот Альба устал от своего величия и от утомительных раздумий о сложностях жизни. У него не было охоты что-либо предписывать или запрещать другим. Подлинную радость он испытывал, лишь слушая музыку или музицируя. В такие минуты он чувствовал в себе силу; он даже дерзнул противоречить королю, когда тот объявил, что не намерен более субсидировать оперу в Колисео-дель-Принсипе¹; в знак протеста он взял на себя содержание оперной труппы и тратил собственные деньги, пока король не запретил ему это. И вот он сидел среди гостей и смотрел, как его прекрасная супруга заманивает в свои сети художника. Он вполне сознавал, что слаб, понимал, что Каэтана увлечена доном Франсиско, талантливым живописцем и интересным мужчиной. Она была предана ему, его герцогиня, но в ее любви он чувствовал оттенок жалости. Никогда, ни разу она не подарила ему такого взгляда, каким только что смотрела на дону Франсиско. Им овладела тихая грусть. Как только он останется один, он возьмет скрипку и Гайдном или Боккерини смое с души неприятный налет, оставшийся после «Мучений Марии-Антуанетты» и последовавшей за ними сцены на подиуме. Герцог почувствовал на себе ласковый, участливый взгляд матери и с едва заметной улыбкой повернулся к ней. Они понимали друг друга без слов. Старая маркиза знала, что сын не сердится на жену.

Гойя тем временем заметил, что донья Каэтана уже забыла о нем, и, поняв, что сегодня она больше не удостоит его своим вниманием, ушел неприлично рано.

За стенами дворца его негостеприимно встретила январская ночь, одна из тех зимних мадридских ночей, когда ветер хлещет в лицо дождем пополам со снегом. Как приличествует придворному живописцу, приглашенному в гости к герцогине, его ожидала карета с лакеями на запятках. Но к удив-

¹ *Колисео-дель-Принсипе* — театр в Мадриде.

Фейхтвангер Л.

Ф 36 Гойя, или Тернистый путь познания : роман / Лион Фейхтвангер ; пер. с нем. Р. Эйвадиса. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 736 с. + вкл. (32 с.). — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25383-4

К 1793 году живописец Франсиско Гойя достиг небывалого успеха. Позади был долгий и нелегкий путь — от порога родного дома в деревне Фуэндетодос во дворец Альбы и даже в королевский дворец, — но Гойя успешно преодолел его. И теперь, когда он, прежде просто малыш Франчо, а ныне придворный живописец, *pintor de cáma*, пишет портреты этих высокородных дам и кавалеров, еще неизвестно, кто кому оказывает честь, — они ему или он им...

Роман «Гойя, или Тернистый путь познания» занимает особое место в творчестве Лиона Фейхтвангера и является, пожалуй, самым знаменитым произведением писателя. Изначально задуманный в 1943-м, роман об испанском художнике Гойя-и-Лусьентесе увидел свет лишь в 1951 году. Семь лет — рекордно долгий для Фейхтвангера срок — потребовались ему на создание этой исключительной художественной биографии, которая и по сей день остается непревзойденным образцом жанра.

В настоящем издании знаменитый роман впервые публикуется в новом переводе Романа Эйвадиса.

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гем)-44

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

ГОЙЯ, ИЛИ ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ПОЗНАНИЯ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Серафима Васильева

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Мария Антипова

Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Валентина Гончар, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.07.2025.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 47,04 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-34373-01-R